

Не успев проглотить лекарство, Ворона... Ворона почувствовал, будто его ударили по лбу десятью восклицательными знаками от «Часа Истины».

Гавриил – это адреналин в человеческой форме, действует мгновенно, может даже оживить мертвеца.

Конечно... возможно, таблетки Ло тоже сыграли свою небольшую роль.

В общем, затуманенное сознание Вороны мгновенно прояснилось, будто ему ввели литр ледяного американо, и он тут же продемонстрировал медицинское чудо: парень, много лет парализованный, попытался встать... почти получилось.

Ладно, по крайней мере, теперь он мог быть уверен, что его лодыжка не просто вывихнута, а точно треснула.

– Эффект лечения очень слабый, слабее, чем у одного лечебного таланта первого уровня, который я получил раньше, – Гавриил обдумал и вынес вердикт. – Но, вероятно, безвредный.

Ворона чуть не задохнулся:

– Кх-кх-кх...

Ты серьёзно называешь это «безвредным»?

– Подожди... Кх, – его голос был хриплым, как будто пила по дереву. – Подожди, разве ты не брезглив?

Гавриил, казалось, был слегка озадачен:

– Я? Нет, я не брезглив.

В голове Вороны загудело: «А что тогда, у других грязефилия?»

Гавриил:

– Мне просто не нравится, когда всё выглядит неряшливо.

Ворона сейчас сидел на полу, прислонившись к импровизированной кровати, и слабо откинулся назад, разведя руки, демонстрируя свою «неряшливость»: условия в недостроенном здании, конечно, далеки от идеальных, он весь в пыли, левый рукав пропитан засохшей кровью, а на руке висит тёмный договор с духами – конечно, этого другие не видят.

Гавриил пристально посмотрел на него:

– Теперь ты не в счёт, ты не вещь.

Ворона: «...»

– Ладно, примем это как комплимент, – он, сохраняя оптимизм, попытался наладить общение. – Но... в не экстренных ситуациях люди не... по крайней мере, не должны трогать друг друга...

Трогать губами – тем более неприемлемо.

Гавриил терпеливо слушал, его лицо говорило: «Я знаю, и что? Какое это имеет отношение ко

мне?»

Лекарство Ло действительно работало. «Огни», идущие по пути «врача», помимо извлечения полезных веществ из различных лекарственных материалов, могли также мистическим образом извлекать часть жизненной силы и заключать её в таблетки. Низкоуровневые «ученики» могли извлекать жизненную силу из растений, а на уровне «врача» – использовать небольших животных.

К сожалению, этот путь ограничивался вторым уровнем, и спасительных лекарств сделать не удавалось.

Горьковатый вкус распространился по горлу, будто где-то в мире букет цветов тихо увял, чтобы облегчить его удушающую боль. Эффект лечения был сомнительным, но противовоспалительное и обезболивающее действие работало, и Ворона успокоился.

Он посмотрел на Гавриила и вдруг что-то понял, поэтому изменил формулировку:

- Я имел в виду, что у меня есть проблема: духовно я всегда с народом, но остальные части тела нуждаются в некоторой социальной дистанции.

Ворона сделал паузу, а затем добавил:

- Иначе мне становится не по себе... э-э, аллергия.

Гавриил кивнул:

- А, - и, будучи весьма стговорчивым, отпустил его, отступив на два ладони.

Он явно знал, что такое «социальная дистанция», и умел её соблюдать.

Да, хотя цивилизация вампиров феодальная и напыщенная, в некоторых аспектах они очень похожи на людей. Гавриил, перевоплощаясь в разных вампиров, прошёл от Рога до Хвоста, играя разные роли, и, конечно, знал все правила и негласные законы.

Просто, сняв маску, он не считал, что эти правила имеют к нему какое-то отношение.

Ведь «ангел» – это ложь, он не вампир, у него нет длинной шерсти, как у тайных рас, и люди считают его чужаком.

Кто знает, какие правила он должен соблюдать?

Он просто думал: «Раз ты говоришь, что тебе плохо, ладно, я позабочусь о тебе».

Гавриил, следуя правилам, вёл себя как человек, но в какой-то момент Ворона почувствовал, что его нечеловеческая сущность стала ещё более явной.

Гавриил:

- Что ещё я могу для тебя сделать?

Ворона подумал:

- Хочешь поговорить на пять... пять медяков?

На этот раз Гавриил преодолел культурный барьер и понял странную метафору. Он, возможно, намеренно или случайно, повторил движение Вороны, прислонился к кровати, вытянув одну ногу и согнув другую... и сохранил подходящую дистанцию.

Он получил лечебный талант вампира, но, видимо, уже использовал его...

Ворона вдруг спросил:

- Где ты был ранен?

Гавриил, казалось, совсем не смутился резкой смены темы:

- В Роге, когда ловил «Несчастье». «Несчастье» было проблемным, вероятно, кого-то обидел, каждый день боялся, что его убьют, его дом был полон ловушек, а на себе он поставил заклятие - если он умрёт, тот, кто коснётся его тела, будет проклят. Хорошо, что это сделал я, иначе кто бы его похоронил?

Ворона: «...»

Боль немного утихла, и усталость взяла своё, его мозг работал медленнее, и он с опозданием нашёл подходящий угол:

- М-м, значит, в кругах убийц ты считаешься весьма благородным - ты знал, что на его теле проклятие, но всё равно тронул его ради мозгов?

Кажется, дух «ловца диких рыбок и грибов» не очень сочетается с образом «архангела».

- Попутно, - сказал Гавриил. - Мне нужно было положить его в яйцо.

Ворона:

- Чьё яйцо?

Гавриил на мгновение задумался:

- Обычно люди спрашивают «почему».

Ворона почувствовал, что голова становится тяжелее, шея, кажется, не выдерживает, поэтому он оперся рукой на согнутую ногу, поддерживая голову, и посмотрел на Гавриила, повторив его выражение лица: «Я знаю, и что? Какое это имеет отношение ко мне?»

- Не знаю, оно маленькое, - Гавриил вдруг замедлил речь и показал руками размер. - Оригинал был такого размера, с фиолетовыми пятнами. Птицу я не видел, вероятно, она испугалась и бросила гнездо.

- Звучит как синица, у вас в инкубаторе неплохая экосистема.

- Несколько маленьких «детских одежек» нашли его, я слышал, как они спорили, что вылупится, но ничего не вылупилось, и их забрал «портной».

На следующий день их унесли маленькие «коробочки», и яйцо, которое один ребёнок прятал на себе, упало и разбилось.

«Детские одежки» - это одежда с коротким сроком годности, у вампиров тоже есть период

быстрого роста, и любая, даже самая дорогая одежда, быстро становится мала. Гавриил так и не нашёл, куда делись те детские вещи, вероятно, они попали в мусор, поэтому ему пришлось положить человека, который оплатил их, в неизвестное яйцо.

Ворона помолчал:

- Мне кажется, это немного жутковато.

Гавриил:

- А?

- Дети ждали, что из яйца вылупится птичка, а ты подсунил им лысого «Несчастье».

Гавриил: «...»

- Ты ведь просто мстил им, да? Что эти дети натворили?

Гавриил:

- ...Они вырвали перья у белого павлина и оборвали цветы, разбросав их повсюду.

Ворона:

- Вау.

Гавриил вдруг засмеялся, не сдержанно, как подобает ангелу, и не злорадно, как злодей. Он засмеялся вслух, почти потеряв равновесие, и случайно опрокинул «Час Истины», на котором всё ещё была змеиная грань, которую Ворона нажал последним.

Под строгим взглядом змеи, символизирующей обман и ложь, Ворона постепенно замолчал.

Гавриил взглянул на него и заметил, что «беспольное лекарство из бесполезных голубых глаз» подействовало, и Ворона уснул. Он знал, что такой сон полезен, по крайней мере, лучше, чем терпеть боль или просто отключиться. Гавриил положил его на импровизированную кровать и заметил, что такие прикосновения не разбудили его.

Поэтому он подумал и снова медленно протянул руку, нарушая «социальную дистанцию» Вороны.

Его пальцы легонько коснулись левого глаза Вороны, и тот, кто утверждал, что у него «аллергия», не отреагировал. Тогда Гавриил провёл пальцем вниз, от глаза к носу, губам, подбородку со следами крови...

- Значит, «не по себе» - это психологический эффект, - Гавриил, самопровозглашённый врач без лицензии, который «заботился о многих больных и раненых „зверушках“», сам поставил диагноз. - Тогда всё в порядке.

Поэтому он мог делать что угодно, лишь бы «психологически аллергичный» человек не проснулся и не заметил.

Проспав неизвестно сколько времени, Ворона проснулся от шума снаружи. Он слегка пошевелился и обнаружил, что кровь на нём исчезла, а он одет в чистую одежду, оставленную здесь предыдущими дежурными. Во рту был горьковатый привкус - вероятно, «нянька-улитка»

снова дала ему лекарство. Эффект не мог заставить его прыгать от радости, но хотя бы собрал его почти развалившееся тело, лодыжка почти не опухла, и он мог слегка наступать на ногу.

Когда болел или был ранен, помощь товарищей была обычным делом, даже если бы это делала женщина, он бы не придавал этому значения. В больнице какая разница, кто врач или медсестра?

Но Гавриил...

В голове Вороны снова всплыли предыдущие события, и он почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом.

- Стоп, страницу перевернули, - он с трудом включил своё недоразвитое рациональное мышление, пригладил вставшие дыбом волосы и насильно «забыл» о произошедшем, переключив внимание на внешний мир.

Отряд «огня» не получил серьёзных травм, немного отдохнув и избавившись от влияния тумана, они уже начали разбирать вещи в руинах.

Ворона очень хотел продолжать притворяться мёртвым, лежать, пока другие работают, - это то, что он всегда делал без малейшего чувства вины.

Но чёрный договор на его запястье слегка дрогнул, словно торопя его.

Этот договор оставил человек, запечатавший эту станцию, - ухоженный мужчина с аккуратными усами, одетый с иголочки.

Он был начальником этой станции.

В предсмертных воспоминаниях царил хаос, и покойный не представился, но на его воротнике была брошь с символикой ассоциации «ремесленников» - по новизне броши и неумелости начальника станции в некоторых делах Ворона понял, что он только что стал «ремесленником» второго уровня.

Множество солдат, погибших от пуль и когтей вампиров, прикрывали его, выигрывая время, и этот «ремесленник» завершил запечатывание руин.

Завершение печати также означало, что все скрытые пространства мгновенно открылись, и начальник станции оказался на виду у вампиров. Он был готов к этому, превратил свой «огонь» в кровь и проглотил изделие, сделанное своими руками, чтобы взорваться, как фейерверк, перед вампирами.

Обычно в таких случаях покойные просят либо о чём-то невозможном, вроде «спаси такого-то», что Ворона никогда не берётся выполнять; либо о чём-то, совпадающем с их целью, вроде «защити вещи в руинах и верни их человечеству»... В таком случае можно было бы поручить это новой ведьме, а больному Вороне просто плыть по течению.

Но этот покойный был особенным, его посмертное желание, записанное в договоре, гласило: «Выяснить правду о гибели станции».

Ни Святилище, ни Ковчег не знали настоящей причины раскрытия станции, Ворона думал, что тогда было слишком опасно, и станция не успела сообщить. Теперь же стало ясно, что начальник станции до самой смерти не понял, что произошло.

Ворона, скрипя зубами, поднялся - это нужно было выяснить, это было серьезнее, чем поцелуй мужчины.

Иначе он чувствовал, что глава Ян снова использует те же методы, чтобы подставить их.

<http://bllate.org/book/14692/1312873>